

Отзыв официального оппонента

на диссертацию

Ефимова Михаила Витальевича

«Д. П. Святополк-Мирский – историк русской литературы и
литературный критик. Годы эмиграции (1920-1932)»,
представленную на соискание ученой степени
кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – «Русская литература».

Представленная работа М. В. Ефимова посвящена поэту, писателю, критику, литературоведу Д. П. Святополк-Мирскому. Даже с учетом выбора хронологического ограничения (выбраны годы эмиграции: 1920-1932) материал оказался огромным и, как следствие, очень большим оказался спектр исследуемых в работе проблем.

Одним из главных достижений работы я считаю последовательное и тщательное описание стратегии Святополк-Мирского в двух основных сферах его деятельности – историко-литературной и критической. Как справедливо указывает автор диссертации, он существовал на грани филологии и литературной критики (с. 21). В этой связи представляется уместным и правильным глубокий и содержательный анализ работ Святополк-Мирского на фоне как российского, так и британского критического и историко-литературного контекста. Безусловным достижением диссертации является описание многолетней и очень сложной связи Святополк-Мирского с русскими формалистами; связь, которую следовало бы определить, как притяжение – отталкивание. Примерно как Святополк-Мирский сначала всячески «разносит» стиль Бабеля, а затем объявляет его чуть ли не лучшим писателем Советской России, - точно также он называет Шкловского «журналистом», «хулиганом» и т.п., а затем – объявляет «гениальным» и вводит в число планируемых авторов «Верст». Разумеется, также попытка Святополк-Мирского «очистить» историю литературы от «биографического»

начала, концентрируясь при этом на «истории литературных форм» («история литературы – это история жанров и текстов, а не писателей»), является следствием – хотя и очень искаженного – влияния концепций формалистов. Во всяком случае, идея приоритета поэтики над внелитературными рядами при построении истории литературы, видимо, родилась у Святополк-Мирского при изучении трудов Шкловского, Эйхенбаума и т.д, наслаиваясь на его собственные представления. При этом – как справедливо показывает автор диссертации – полностью выдержать этот принцип Святополк-Мирскому не удастся – и личностный, биографический принцип проникает в его труды.

Не менее важным видится демонстрация сильнейшего влияния на Святополк-Мирского идей В. М. Жирмунского, многочисленные параллели с которым вскрываются в диссертации (видимо, самый яркий пример – это статья «О современном состоянии русской поэзии» - 1922 г.).

Существенный элемент концепции диссертации – это доказательство историзма Святополк-Мирского, который пронизывает как его историко-литературные труды, так и критические работы. С этим элементом непосредственно связан вопрос о литературных поколениях, ставший также одним из ключевых для критика. Опираясь прежде всего на его англоязычные книги (“Contemporary Russian Literature” и “A History of Russian Literature”), М. В. Ефимов последовательно и точно реконструирует схему литературных поколений в представлении Святополк-Мирского, которая становится одним из интереснейших научных результатов диссертации.

Не менее существенным кажется выявленные автором диссертации различные стратегии Святополк-Мирского в его англоязычном и русскоязычном творчестве. В таком ключе и в таком объеме исследование до сих пор никем не проводилось. Стоит отметить и огромный объем иностранного материала, изученного М. В. Ефимовым для постановки и решения таких проблем, как выбор жанра и стилистическая эволюция, статус Святополк-Мирского как англоязычного литературного критика и сравнение с

его восприятием и статусом в периодике русского зарубежья, наконец, - для разговора о его билингвизме. Автор диссертации убедительно доказывает, что Святополк-Мирский в своих англоязычных работах прежде всего исходил из задачи раскрыть перед читателями ранее им неизвестный или малоизвестный мир классической и современной русской литературы, тогда как в русскоязычной прессе он отстаивал свои представления о литературной иерархии и выступал как идеолог. Наконец, третья глава содержит также доскональный обзор публикаций Святополк-Мирского в основных изданиях русского зарубежья в 1923 – 1928 годы с особенным выделением журнала «Версты».

Вместе с тем хотелось бы указать на некоторые факты, которые, на мой взгляд, можно отнести к недостаткам работы.

Прежде всего, вызывает удивление объем работы. Он ровно в два раза больше, чем существовавший ранее рекомендованный предел для кандидатских диссертаций гуманитарного профиля. Да, сейчас этого предела нет, однако я все же считаю, что выбор темы и способ ее раскрытия в определенном объеме работы – это один из оцениваемых элементов диссертации.

Редко, но случается так, что диссертант – по разным причинам – представляет на суд совета работу, которая заведомо и намного превышает по всему параметрам требования, предъявляемые к кандидатским диссертациям. В этом случае, конечно, будет оправдано и значительное превышение объема. Именно для таких случаев документы ВАК предусматривают возможность возбуждения ходатайства о повторной защите с целью присуждения докторской степени за подобную работу. Однако здесь явно не тот случай. Перед нами хорошая, добротная кандидатская диссертация, которая стала огромной по двум причинам:

- 1). Не была уточнена тема диссертации, когда стало понятно, что проблемное и хронологическое поле слишком велико.

2). В диссертацию были введены большие пласты первичного материала, который надо было либо ввести в Приложение, либо вообще изъять.

Что тут имеется в виду? В диссертации присутствуют большие объемы текста, представляющие собой фактически пересказ положений статей Святополк-Мирского. Наиболее яркие примеры: на с. 42-44: «Святополк-Мирский впервые говорит.... далее... пишет.... выделяет...подчеркивает...». Фактически – пересказ. То же самое на с. 51-52, с. 64-65 (цитаты на целую страницу), с. 83-84 (пересказ Элиота), с. 174, с. 263-265 – и это только самые разительные примеры. Иногда (как, например, на с. 164-165 и 194-195) приводятся просто перечни текстов или оглавление книги. Все это приводит к утяжелению диссертации и непомерному ее разрастанию – без качественных смысловых приращений. Можно привести в качестве примера и авторские «обоснования» таких включений: «Дадим обзор публикаций...» (с. 269), «Дадим сводку основных положений...» (с. 291) и т.п.

Не менее спорным представляется включение в диссертацию фрагмента о билингвизме в жанре «материалы к сравнительному анализу» (пункт 3.2 главы 3). Все-таки в диссертации должны содержаться решения поставленных проблем, а не материалы для дальнейшего анализа. В работе очень неплохо проведен анализ различия авторских стратегий в русских и английских статьях о Бабеле, но, конечно, говорить о целостном и завершенном анализе заявленного «феномена билингвизма» представляется невозможным.

Думается, что причина всего вышеперечисленного - в том, что автор работы писал прежде всего книгу, а не диссертацию – отсюда ориентация на читателя заведомо различной квалификации, в том числе и такого, которому статьи и публикации Святополк-Мирского известны мало.

Вот это неумение или нежелание ограничивать себя проявилось, в частности, в положениях, выносимых на защиту. Каждое из этих положений, по сути, должно представлять собой краткую формулировку, содержащую то

небольшое открытие, которое вытекает из представленного диссертационного исследования и которое подлежит верификации с помощью научных методик.

Что ж мы имеем в положениях? Начнем с первого:

«1. Вопрос о методологических основаниях трудов Д.П. Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика имеет первостепенное значение для адекватного описания данной части его наследия в жанровом и стилевом аспектах».

Хочется спросить, а что тут, собственно, защищать? Что тут нового? Вместо имени Святополк-Мирского можно подставить имя любого другого критика и литературоведа – и тезис останется столь же бесспорным, как и бессодержательным.

Далее – 4 и 6 положения содержат примерно одно и тот же тезис: о том, что для Святополк-Мирского была актуальной попытка соединения историко-литературного мышления литературоведа и оценочного мышления критика. Строго говоря, это характерно далеко не только для этого автора, но дело тут не в этом: в двух положениях говорится об одном и том же разными словами. При этом в 6-м пункте черным по белому написано о том, что, по мнению Святополк-Мирского, «литературный критик... должен обладать свойствами и знаниями истории литературы». Полагаю, что, подобные трюизмы просто уничтожают исследуемого автора.

В 7 положении М.В. Ефимов указывает на основные черты литературно-критической деятельности Святополк-Мирского. Например:

«- акцент на историко-литературных параллелях анализируемого текста (как в сфере литературной классики, так и в современной литературе)»

Хочется спросить – это что – что-то уникальное – когда критик указывает на историко-литературные параллели? Разве не занимались этим Ходасевич и Берберова под маской «Гулливера»? Разве этим не занимались вообще все другие более или менее квалифицированные критики? Что тут надо защищать?

Или вот другая черта Мирского-критика:

«- соотнесение четырех составляющих текста — композиции, характерологии персонажей, языка и идейного содержания».

Помимо очередного трюизма (а какой критик не занимается композицией, персонажами и языком текста), хочется спросить: а что это за «идейное содержание», которое существует по мысли автора вне языка, характеров персонажей и композиции??? Если автор диссертации основывается на представлениях самого Святополк-Мирского, которые, как известно, эволюционировали к весьма примитивным марксистским канонам, то это надо было оговорить и не выносить на защиту в таком виде.

Как понимать такой тезис, как «преобладающее внимание к «словесной выразительности» и «словесной культуре»? Как с этим можно работать? Как это можно подтверждать или оспаривать? У кого из критиков нет этого внимания?

В положении 8 говорится о «постсимволистской и постакмеистической поэтике и эстетике». Под постсимволизмом обычно всегда понималась вся совокупность литературных групп и направлений, с которыми была связана смена эстетической парадигмы после расцвета русского символизма. Я не уверен, что у этой совокупности была некая общая «поэтика и эстетика». Но уж термин «постакмеизм» точно нуждается в расшифровке. В современном литературоведении он почти всегда употребляется применительно к поэзии конца 1960-х — 1980-х годов, возникшей и развивавшейся после смерти Ахматовой и ориентировавшейся на традиции акмеизма. Что имеется в виду у М.В. Ефимова? Когда, с его точки зрения, пресеклась акмеистическая поэтика и какая новая целостная поэтика возникла после завершения этой акмеистической линии?

Одной из важнейших линий исследования, как уже было сказано, является анализ проблемы соотношения критики и литературоведения. Эта проблема прямо вытекает из материала, поскольку Святополк-Мирский постоянно экспериментировал в своем творчестве научные и художественные методы. Давая определение понятию критики, М.В. Ефимов опирается на

достаточно старую дефиницию В. Лакшина. В принципе, в этом не было бы ничего страшного, поскольку во множестве работ, появившихся после этого, ничего принципиально нового не возникло. Однако ни в приведенной цитате из Лакшина, ни в самой диссертации оказался не отраженным такой важный признак деятельности критика, как стремление направить творчество писателя (писателей) или даже весь литературный процесс в то русло, которое критику представляется наиболее соответствующим его эстетическим взглядам и вкусам. Будучи участником того же литературного процесса, о котором он пишет, критик постоянно предпринимает усилия по коррекции творческого пути авторов, чьи тексты становятся объектами его рефлексии. Вот этого аспекта, связанного с критическими публикациями Святополк-Мирского, мне не хватило в диссертации.

И снова напоследок хочется вернуться к положениям, выносимым на защиту. Второе из них гласит, что Святополк-Мирский разрабатывал жанр *«авторской истории литературы»*.

Надо сказать, что данный термин, вводимый автором диссертации – хотя и не бесспорный (а какая история литературы лишена авторского начала) – кажется очень интересным и вполне жизнеспособным. По крайней мере, ожидаешь обширного его обоснования, сравнений, сходных примеров, дефиниции по принципу необходимости и достаточности. Однако ничего этого в работе не находим. Зато этот термин всплывает на стр. 200 – в выводах из второй главы, в которой анализируются антологические и историко-литературные работы Святополк-Мирского 1924 – 1926 годов. Получается так, что мы должны ретроспективно спроецировать все выводы этой главы и все выявленные автором признаки историко-литературного нарратива на этот термин. Думаю, что это методологически совершенно неверно. Кстати, я бы заменил и другой термин, говоря о историко-литературном дискурсе Святополк-Мирского, а не нарративе, поскольку последний не предполагает акцента на прагматическом аспекте.

Полагаю, что несмотря на все приведенные замечания, работа не утрачивает своего значения и является целостным и завершенным исследованием, которое впервые сделало объектом филологической рефлексии огромный материал, связанный с критической и историко-литературной работой Д.П. Святополк-Мирского эмигрантского периода. Сделанные автором выводы существенно обогащают наши представления о литературном процессе русского зарубежья и являются значительным вкладом в науку. Считаю, что диссертация после небольшой доработки должна быть опубликована в виде монографии.

Диссертационное исследование «Д. П. Святополк-Мирский — историк русской литературы и литературный критик. Годы эмиграции (1920-1932)» соответствует требованиям, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (п.п.9 - 14), по своему содержанию соответствует паспорту научной специальности 10.01.01 — «Русская литература», а ее автор Михаил Витальевич Ефимов заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — «Русская литература».

Официальный оппонент

доктор филологических наук (10.01.01 — «Русская литература»),
профессор, профессор кафедры русской литературы
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения «Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена»

3 мая 2018 года

Кобринский Александр Аркадьевич

РГПУ им. А. И. ГЕРЦЕНА

подпись

Почтовый адрес: Санкт-Петербург, 190107, Исаакиевская пл., д.6.

Тел. +79219985430, e-mail: 444-44-4@list.ru

удостоверяю « 3 МАЯ 2018 » 20 года

Отдел персонала и социальной работы
управления кадров и социальной работы

Ведущий документовед
отдела персонала и социальной
работы

А.Д. Пызина